

ОЛЕГ ПРОЛЕСКОВСКИЙ, ЛЕВ КРИШТАПОВИЧ

МИФ О “БЕЛОРУССКОЙ” ШЛЯХТЕ

В последние годы журналисты, издатели, историки много и, как правило, восторженно пишут о “белорусской” шляхте. То и дело мелькают имена польских князей и графов, которых, вопреки очевидности, именуют “белорусской элитой”.

Ладно бы речь шла о культурологическом феномене, восхищении чужой роскошью и чужеродной ментальностью. Так нет же! Поклонники польской знати и на родную белорусскую историю смотрят, будто из Варшавы. К примеру, шляхетские восстания против России они рассматривают как выступления белорусского народа. А отсюда недалеко и до взгляда на русских как на “оккупантов”, “колонизаторов”.

Но вся закавыка в том, что никакой “белорусской” шляхты ни в XVIII, ни в XIX веке на территории Беларуси не было. Что такое шляхта? Высшее привилегированное сословие, характерное для феодального общества. Оно включает помещиков, чиновников, разорившихся землевладельцев, так называемое образованное общество – преподавателей Виленского университета, Полоцкой иезуитской академии и других образовательных учреждений, писателей, музыкантов, католических священнослужителей. По своей национально-культурной идентификации это были поляки, которые ментально были абсолютно чужды коренному населению, то есть белорусам. Даже если отдельные представители этой шляхты сочувственно относились к белорусским крестьянам, занимались собиранием белорусского фольклора и называли себя литвинами, а не поляками, сущность данного сословия от этого несколько не менялась. Белорусский историк Михаил Коялович в 1884 году отмечал, что поляки стремятся сойтись с местным народом и привлечь его на свою сторону. Они говорят о своём уважении к белорусской народности и желают, чтобы эта народность развивалась и создала свою письменность, печатала книги на своём языке. Но в то же время они говорят, что только поляки являются творческим народом и должны двигаться на Восток, а белорус, получая образование, должен делаться поляком. В этом плане показательны откровения польского этнографа Александра Рыпинского, который в своей работе “Поэзия простых людей нашей польской провинции”, изданной в Париже в 1840 году, призывал белорусских матерей “первой своей обязанностью учить своих детей произносить святое имя Польши ещё до того, как ребёнок научится выговаривать слово “мама”. “Рука матери, – требует польский автор, – не должна давать ребёнку необходимую пищу до того времени, пока он не попросит её по-польски”. Таким образом, за всей этой мнимой заботой польской шляхты о белорусах скрывался всё тот же польский шовинизм с его антибелорусской политикой восстановления Польши в границах 1772 года.

*ПРОЛЕСКОВСКИЙ Олег Витольдович — министр информации Республики Беларусь.
КРИШТАПОВИЧ Лев Евстафьевич — доктор философских наук, заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь.*

Отсутствие собственно белорусской шляхты как высшего сословия в тогдешнем обществе на территории Беларуси обусловлено своеобразием исторического развития. Здесь необходимо сделать следующее пояснение. Дело в том, что на протяжении XIII–XVII веков, когда территория современной Беларуси и Украины входила в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, белорус, точно так же, как и украинец, выступают не столько под своими современными этническими обозначениями, сколько под общим названием древнего русского народа. Слово “русский” было синонимом слов “белорус” и “украинец”. Все историки того периода, подчёркивая особенность национальности коренного населения на территории современной Беларуси и Украины, говорят о древнем русском народе, сохранившем в первозданной чистоте свою веру, полученную от восточных патриархов.

Отождествление белорусов и украинцев с русскими постоянно присутствует на страницах исторических источников. Например, в послании киевского воеводы, князя Константина Острожского епископу Ипатию Потееку от 21 июня 1593 года по поводу замышляемой унии с Римской Церковью говорится: “Донести князю великому Московскому и московскому духовенству, какое гонение, преследование, поругание и уничтожение **народ тутошний Русский** в порядках, канонах и церемониях церковных терпит и поносит”. Эта же мысль звучит и в выступлении на Варшавском сейме в 1620 году депутата земли Волынской, члена Виленского православного братства Лаврентия Древинского, который, описывая положение своих соотечественников, горестно констатирует: “Кто же явственно не видит, сколь великие притеснения и несносные огорчения **сей древний русский народ** претерпевает? Уже в больших городах церкви запечатаны, имена церковные расхищены, в монастырях вместо монахов скот запирают. В Могилёве и Орше церкви также запечатаны, священники разогнаны. В Пинске монастырь Лещинского в питейный дом превращён; тела умерших без церковного обряда из городов, как падаль, вывозятся; народ без исповеди, без приобщения святых тайн умирает”.

В процессе дальнейшего исторического развития Белой Руси происходит разделение древнего русского народа, как именовали себя белорусы в XIII–XVII веках, на два, хотя и родственных, но отдельных народа. Более или менее завершающим этапом в этом процессе складывания собственно белорусского народа можно считать XVIII век. В этом плане симптоматично высказывание белорусского епископа Георгия Конисского на коронации Екатерины II: он прямо говорит о православном белорусском народе, ожидающем избавления от национально-религиозных гонений польской шляхты.

Специфика формирования белорусской народности на протяжении длительного исторического развития выразилась в том, что на рубеже XVI–XVII веков белорусский народ состоял лишь из низшего сословия – крестьян и мещан – и потерял высшее сословие – шляхту. Речь идёт о насильственном введении в 1596 году церковной унии, которая привела к окончательной денационализации местной шляхты. Она ополячилась и окатоличилась. Уже в челобитной Львовского православного братства русскому царю Фёдору Иоанновичу от 15 июня 1592 года с печалью говорится о денационализации православной шляхты: “Поелику в Польских странах в великих печалях обретаемся, а **все благородные в различные иноверия пали**”. А знаменитый автор “Славянской грамматики” Мелетий Смотрицкий в своём известном “Фриносе” или “Плаче восточной церкви” (1610) окончательно констатирует смерть высшего сословия, погибшего в полонизме, латинстве и иезуитизме. “Где теперь, – вопрошает Мелетий Смотрицкий, – дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей древней православной веры? Где и другие славные роды русских князей – князя Слуцкие, Заславские, Вишневецкие, Чарторыйские, Соломерецкие, Соколинские, Лукомские и другие без числа?” Высшее сословие денационализировалось. Русскими по своей ментальности остались лишь крестьяне и мещане. Им противостояла лишь этнически чуждая и культурно несовместимая шляхта, которая экономически, административно, идеологически господствовала на Белой Руси вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

Статистика свидетельствует, что землями в белорусских губерниях владели польские помещики. К примеру, в Гродненской губернии они держали в своих руках 95% земли, в Минской губернии им принадлежало 94% земли. Александр Цвикиевич, который являлся идейным руководителем национального движения в Беларуси в конце XIX – первой четверти XX века, в своей книге “Западно-русизм: нарысы з гісторыі [...]” отмечал, что Польша душила Беларусь своим зе-

мельным капиталом с такой силой, что даже Российская империя со всей своей государственной машиной ничего здесь не могла поделаться. Польскость — как проявление польской экономической силы в крае — всегда побеждала и сводила на нет все официальные наскоки российской политической власти. “Экономика, культура, администрация, — подчёркивал Александр Цвикевич, — всё находилось в руках польской интеллигенции, всё управлялось ею”. Сами белорусы указывали, что виленский поземельный банк принимает под залог исключительно польские именные, держит в руках все земельные богатства девяти западных губерний и стоит на страже польских интересов в Беларуси.

Представляется необходимым адекватно оценить роль религиозного фактора как в процессе формирования национального самосознания белорусов, так и в ходе государственного строительства. Данный тезис может быть сформулирован следующим образом: выбор Православия был обусловлен, среди прочих факторов, ментальностью народа, однако, в свою очередь, Православие закрепило и сохранило тот исторический тип самосознания белорусов, который сегодня можно охарактеризовать как современный. Рассматривая данный вопрос, нельзя не коснуться и униатства, которое некоторые белорусские писатели и политики по недоразумению зачисляют в разряд национальной религии белорусов. Здесь важно отметить, что в то время, когда в Беларуси вводилось униатство (XVI–XVII века), меняли вероисповедание не простые верующие (крестьяне), а их патроны (паны, шляхта, церковные иерархи). В тот период считалось: чья власть, того и вера. Поскольку привилегированное сословие (шляхта) окатоличилось или приняло униатство, то оно заставляло и своих подданных (крестьян) принимать новую веру, механически переводило православные приходы в униатские путём навязывания православным униатских священнослужителей. “Загоняемый подобными насилиями в унию русский (белорусский. — Л. К.) народ не мог, конечно, искренно держаться унии, — писал церковный историк Г. Киприанович. — В глубине своей души он продолжал хранить старые свои верования, старые православные убеждения и искал только случая избавиться от насильно навязанной ему унии. Сами защитники латинства сознавали, что все униаты или открытые схизматики (православные), или подзреваются в схизме”. Поэтому, когда говорят, что в XVIII веке 80% белорусов были униатами, то это относится не столько к белорусским крестьянам, сколько к формальному количеству униатских приходов на Беларуси. Крестьяне, как и раньше, так и в XVIII веке оставались верными вере своих предков, то есть Православию. Не случайно переход из унии в Православие для белорусов был осуществлён без больших затруднений, поскольку всё дело свелось к формальному переводу священников из унии в Православие. И об унии в народном самосознании не осталось никакого воспоминания.

Историко-культурологические усилия некоторых историков, направленные на то, чтобы из аббревиатуры ВКЛ (Великое княжество Литовское) вывести некую белорусскую идентичность, носят сугубо софистический характер. Никакого отношения к реальной белорусской государственной традиции подобные попытки не имеют.

Исторический путь развития Беларуси проходил в русле национального, культурного, цивилизационного союза с Россией. Для белорусского и русского народов характерны языковое родство, единство образа жизни и территории, одна и та же система социальных ценностей, одни и те же мировоззренческие и политические убеждения, общность исторической судьбы.

Объективно белорусское самосознание сформировалось в условиях восточнославянского цивилизационного пространства. Такова специфика исторического формирования и белорусской государственности.

Существует расхожее мнение, что национальная культура сводится к реставрации исторических памятников, возрождению фольклористики, старинных ремёсел и обрядов, — так сказать, к некоему внешнему этнографическому антуражу. Всё это, безусловно, входит в содержание национальной культуры, но не образует её смысла. Смысл же культуры выражается в самосознании нации.

Нетрудно заметить, что белорусская национальная культура формировалась как культура высокого патриотизма, где не было места ни мракобесному национализму, ни раболепному космополитизму. Наша задача в области культурной политики в том и состоит, чтобы укреплять и развивать патриотическую линию в белорусской культуре.

С формированием настоящего патриотизма, укреплением национального самосознания тесно связан и вопрос о сохранении исторической памяти наше-

го народа. История народа — это продолжение прошлого, наполнение реальными делами настоящего и послание общества в будущее. Только уважение к своей истории, своим национальным ценностям и традициям является основой процветания страны. Ибо лишь одна история народа может объяснить его истинные потребности и идеалы. Но говоря об уважении к своей истории, надо иметь в виду именно историю белорусского народа. Почему это важно? Потому что под видом национальных ценностей нам стремятся навязать ценности какой угодно истории, но только не нашей, белорусской.

Надо честно признать, что некоторые работники культуры и журналисты не понимают взаимоисключающих вещей. Им кажется, что если государство реставрирует Несвижский замок, то это означает и реставрацию образа жизни польских магнатов, включение его в каталог белорусской истории. Именно такое ложное отождествление является причиной предательства нашей истории в искажённом виде, где жестокая и необузданная польская магнатская анархия преподносится как проявление белорусского самосознания. Фабрикуется иллюзорная картина: будто бы польские магнаты заботились о процветании белорусских крестьян.

Возьмём, к примеру, жизнь польского аристократа Ошторпа, который был предводителем дворянства Минской губернии. В своём имении в Дукоре он завёл театр, картинную галерею, шляхта, по свидетельству очевидцев, пировала неделями у гостеприимного хозяина. Но за счёт чего и кого просвещалась и веселилась польская шляхта? За счёт нещадной эксплуатации белорусских крестьян. Когда Ошторп умер, то польский поэт-юморист Легатович в язвительной эпиграмме метко подметил:

Smierc Osztorpa w Dukorze zrobi zmianie znaczna:
Panowie pic przestana, chlopi jesc zaczyna!

В переводе на русский:

Смерть Ошторпа в Дукоре произведёт большую перемену:
Господа перестанут пить, а мужики начнут есть.

Нужно чётко понимать, что это не некие абстрактные исторические дискуссии, не имеющие отношения к настоящему. Проталкивая польскую панскую культуру, её апологеты делают это для того, чтобы подчеркнуть неправильность избранного белорусами пути развития, пытаясь навязать чуждые нашему народу ценности, а значит — в корне пересмотреть политику государства! Именно этим объясняются лозунги об исключительно европейском характере Беларуси и игнорирование её древнерусских корней. Отказ от древнерусских корней белорусского самосознания — это отказ от союза с братской Россией, а шире — от участия в каких-либо интеграционных процессах на постсоветском пространстве, смена геополитической ориентации нашей республики.

Вот почему совершенной софистикой являются попытки некоторых, так сказать, *продвинутых* учёных и писателей зачислить в разряд белорусских князей Миндовга и Витовта, втащить в белорусскую историю Радзивиллов, Сапег, Огинских и так далее как видных представителей белорусских знатных родов, выразителей белорусского самосознания. Это не только насмешка над белорусской историей, но и прямое оскорбление национального достоинства нашего народа, потратившего немало сил и времени, чтобы освободиться от подобных «благодетелей».

Чтобы нас признавали в современном мире, надо, прежде всего, беречь свою национальную историю. Отказываться же от неё или подменять её чужой историей — значит, отказываться от своей идентичности, то есть исчезнуть как народ, как нация.

К сожалению, до сих пор нет целостного видения истории Беларуси, нет целостной единой концепции. В учебниках, особенно вузовских, каждый пишет на свой лад. Историей Беларуси занимается кто угодно и как угодно. Нужно чётко себе уяснить: формирование истинного патриотизма — это залог крепости государства, стойкости нации, своего рода иммунитет от внутренних и внешних потрясений.

Мы должны с уважением относиться к историческому выбору белорусского народа как результату многовекового формирования общерусского национального самосознания, в рамках которого вызрела и приобрела силу белорусская государственность.